Г. РОСТОВЪ-Д-Н.
КОНТОРА—Б.-Садовая, 100.
РЕДАКЦІЯ—Б.-Садовая, 61
Телефоны: Конторы 4.47. Редакціи 40.62
ЦѢНА 1 р. 50 к.
На ст. и др. гор. 1 р. 75 к.

Вечернее Время

№ 310 ЧЕТВЕРГЪ, 11-го ІЮЛЯ 1919 г. № 310

Руки прочь!

Съ каждымъ днемъ доблестная Добровольческая Армія продвигается впередъ.

Занимаются города, села, станицы...

Кое-гдѣ встрѣчаютъ съ колокольнымъ звономъ, кое-гдѣ забрасываютъ цвѣтами, кое-гдѣ цѣлуютъ стремена..

Кое-гдѣ молчатъ и съ ужасомъ приглядываются:

— Сегодня будутъ вѣшать или завтра?

Народныя массы такъ отупѣли, такъ сбиты съ толку, такъ запуганы, такъ отощали, что онѣ, дѣйствительно не могутъ дать себѣ отчета—рады онѣ приходу Добровольцевъ или не рады.

Въ древнемъ Римѣ чернь кричала:

— Хлѣба и зрѣлищъ!

Русская толпа кричитъ:—хлѣба и порядка.

Такъ какъ „зрѣлищъ" она видѣла за послѣдніе два года черезчуръ много.

И этотъ „порядокъ", о которомъ мечтаетъ сейчасъ весь русскій народъ, стонущій подъ игомъ комиссародержавія, не представляется народу ни въ какихъ реальныхъ политическихъ формахъ..

Монархія, республика, отвѣтственное министерство, всеобщее избирательное право—интеллигентскія слова, ярлычки опредѣленныхъ интеллигентскихъ партій, игра ума или игра самолюбій политическихъ лидеровъ.

Народъ хочетъ „порядка", и будетъ ли этотъ порядокъ олицетворенъ диктаторомъ на бѣломъ конѣ, или ораторомъ, драпирующимся въ складки краснаго флага—ему безразлично.

Какъ безразлично больному, будетъ ли онъ спасенъ ледяными компрессами или обжигающими припарками.

Народъ понялъ, что самъ своими мозгами онъ „порядка" установить не можетъ.

Онъ это понялъ и протягиваетъ исхудавшія руки къ интеллигенціи, къ образованнымъ людямъ:

— Порядка! Только порядка!

Что дѣлаетъ наша передовая интеллигенція, воспитанная на Герценѣ и Чернышевскомъ, увлекавшаяся Максимомъ Горькимъ и Леонидомъ Андреевымъ, все время говорившая о народѣ, который она знала только по книгамъ, и привѣтствовавшая „великую и безкровную русскую революцію", къ которой она подготовлялась со временъ декабристовъ?

Передъ волной большевизма она растерялась и спряталась.

За спиной Добровольческой Армія она подняла голову и стала... говорить.

Что?

То же, что и раньше...

Мелкіе партійные споры, желаніе первенствовать, страсть доказать, что истина только на этой платформѣ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ—вотъ, что мы видимъ.

Воины сражаются на фронтѣ.

Политическіе интриганы сражаются въ тылу.

Они, дѣйствительно, объединены однимъ лозунгомъ:—Долой большевиковъ!

А дальше?

А дальше начинаются узкія, мертвыя партійныя программы.

Словно уличные торговцы, всевозможные лидеры зазываютъ къ своему ларьку сбитый съ толку, обалдѣвшій, потерявшій голову народъ:

—Пожалуйте къ намъ! Рецептъ спасенія Россіи! Единственный! Съ ручательствомъ! —кричитъ одинъ.

— Не вѣрьте ему! Онъ къ Керенскому подлизывался! Пожалуйте ко мнѣ!—пищитъ другой.

— Самъ съ соціалистами въ дружбу игралъ!—парируетъ первый. — Провокаторъ!

— А ты—на иностранныя деньги работаешь!—возражаетъ обиженный лидеръ.

Лидеры партій думаютъ, что уже наступилъ моментъ начинать „партійную борьбу."

Они не хотятъ понять, что только диктаторъ на бѣломъ конѣ дастъ народу желанный „порядокъ" а имъ... возможность вести партійную борьбу передъ выборами въ Народное Собраніе.

Они не хотятъ понять, что сейчасъ не можетъ быть полутоновъ.

Или красный или бѣлый цвѣтъ.

Розовый цвѣтъ, цвѣтъ будуаровъ, цвѣтъ красивыхъ женскихъ платьевъ, цвѣтъ земляники, раздавленной въ сливкахъ, возможенъ только въ мирной обстановкѣ.

Сейчасъ война. Жестокая, безпощадная война, въ которой рѣшается вопросъ:—быть или не быть Великой, Единой, Недѣлимой Россіи!

Быть ли диктатору на бѣломъ конѣ или комиссару съ обагренными по локоть алой кровью руками?

— Кто не съ нами, тотъ противъ насъ! —такъ говорили въ свое время большевики.

Такъ скажемъ и мы теперь.

Кто не съ нами за возстановленіе „порядка", хотя бы при помощи диктатора на бѣломъ конѣ—тотъ противъ насъ.

Партійные разговорчики пора бросить. Эти разговорчики отъ Родзянко—Львова довели насъ до Керенскаго—Чернова и бросили насъ на произволъ Ленина—Троцкаго.

Простой народъ уже это понялъ.

Интеллигенція этого не хочетъ понять.

Отдѣльнаго человѣка можно обманывать нѣсколько разъ.

Весь народъ вторично обмануть не удастся.

На собственной шкурѣ онъ испыталъ игру ума политическихъ лидеровъ. Съ него довольно!

И, если наша передовая интеллигенція, дѣйствительно, intellegit, т. е. понимаетъ, современную обстановку, она броситъ свои партійные счеты, программы и деклараціи и скажетъ:

— Мы вѣримъ, что тѣ, которые проливаютъ свою кровь за освожденіе Родины отъ ига большевиковъ, тѣ, которые открываютъ намъ широкую московскую дорогу и въ неудержимомъ порывѣ стремятся къ Волгѣ—эти люди больше насъ, сидящихъ въ тылу, имѣютъ право говорить о томъ, какъ надо установить тотъ „порядокъ", о которомъ стосковался сто восьмидесяти милліонный русскій народъ.

И не тѣмъ политическимъ интриганамъ, которые только сейчасъ, убѣдившись, что побѣда опредѣленно склоняется на сторону Добровольческой Арміи, начали свою „партійную работу", говорить о томъ:

— Какъ спасти Россію!

Когда Россія погибала, они продавали газеты или торговали въ кафе въ Совдепіи, учились украинской „мовѣ" вмѣстѣ съ ясновельможнымъ гетманомъ Скоропадскимъ или обивали пороги въ Одессѣ у madame Энно.

Теперь, когда взяты Харьковъ, Царицынъ и Екатеринославъ, они пробуютъ вылѣзти на авансцену.

— Мы пахали!

Неправда! Руки прочь!

К. Острожскій.

Ужасы застѣнка.

Письмо изъ Екатеринослава.

(Окончаніе).

Въ одну, особенно темную, душную ночь изъ подваловъ было вызвано 7 офицеровъ, изъ числа мобилизованныхъ въ армію и заподозрѣнныхъ въ „контръ-революціи".

Но вмѣсто того, чтобы „размѣнять" тутъ-же во дворѣ, ихъ повели на улицу, гдѣ ждали съ потушенными фонарями 2 автомобиля.

Посадили, предварительно сковавъ кандалами руки, боясь, чтобы не выпрыгнули.

Долго кружили по темнымъ улицамъ и, наконецъ, выѣхали на конецъ города, въ поле.

Тамъ расковали, вытащили откуда-то нѣсколько лопатъ и, поставивъ трехъ часовыхъ, приказали рыть для себя могилы.

Сами ушли къ автомобилямъ, гдѣ, зажгли фонари, начали играть въ карты.

Осужденные копали долго. Уже посѣрѣло небо и померкнули звѣзды, когда они окончили.

Палачи бросили игру и веселой гурьбой подошли къ намъ. Заставили раздѣться до гола и тутъ же подѣлили одежду между собой.

Выстроили осужденныхъ въ рядъ передъ зіяющей ямой и, пьяные виребезги, шатаясь начали „шалить". То подымутъ винтовки, то опустятъ.

Въ этотъ моментъ одному изъ офицеровъ шт.-капитану и пришла въ голову смѣлая мысль.

Не долго думая онъ за нѣсколько мгновеній до выстрѣловъ бросился въ яму. Раздался сухой трескъ и на него скатились тѣла его товарищей и прикрыли почто всего.

Красноармейцы подошли къ ямѣ. Одному показалось, что будто что-то дѣло шевелится и онъ, недолго думая, выстрѣлилъ.

Ш. чуть не вскрикнулъ, но удержался огромнымъ усиліемъ воли: пуля пробила ему ногу.

Постоявъ нѣсколько времени надъ ямой и убѣдившись, что всѣ убиты, красноармейцы ушли, рѣшивъ, что закопаютъ трупы они нѣсколько позже.

Когда рокотъ автомобилей затихъ, Ш. выбрался изъ ямы и бросился бѣжать.

Полуголый, весь въ крови, съ дикимъ выраженіемъ лица и совершенно сѣдыми волосами, онъ былъ найденъ черезъ нѣсколько дней крестьянами въ верстахъ въ 20 отъ города.

Черезъ недѣлю, немного оправившись, Ш. пробрался черезъ ряды большевицкихъ войскъ въ Добровольческую Армію.

* * *

Незадолго передъ возстаніемъ Григорьева чрезвычайка и ревтрибуналъ 14-й совѣтской арміи встрепенулись.

Былъ полученъ секретный приказъ Пятакова усилить до максимума количество разстрѣловъ и одновременно съ этимъ началась чистка „мозотовъ революціи". Былъ смѣненъ весь составъ ревтрибунала и на его мѣсто прибыла новая коллегія во главѣ съ знаменитымъ Грановскимъ, бывшимъ раньше управляющимъ дѣлами совѣтскаго украинскаго правительства.

Въ то же время по распоряженію того же Пятакова были повышены въ должности и получили крупныя денежныя награды рядъ слѣдователей, отличавшихся особой свирѣпостью.

Разстрѣлы чрезвычайно усилились. Не проходило дня безъ десятка-двухъ новыхъ жертвъ.

Трибуналъ „работалъ" не менѣе дѣятельно, чѣмъ чрезвычайка, среди воинскихъ частей.

Массами арестовывались офицеры. Выискивались самые различные предлоги къ тому, чтобы найти поводъ для разстрѣла. Неизвѣстно кѣмъ подбрасывались въ вещи офицеровъ погоны, нахожденіе которыхъ было вполнѣ достаточно для разстрѣловъ на мѣстѣ.

Когда Григорьевъ подходилъ къ городу, первой изъ всѣхъ учрежденій эвакуировалась чрезвычайка вмѣстѣ съ трибуналомъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ чрезвычайка послала въ тюрьму цѣлый отрядъ съ пулеметами, чтобы „расказнировать" всѣхъ заключенныхъ,

Почуявъ недоброе, арестанты заперли двери и не впустили отрядъ. Послѣдній, началъ было обстрѣлъ изъ пулеметовъ всѣхъ камеръ, но потомъ, въ виду наступленія темноты спѣшно бѣжалъ на вокзалъ, боясь попасть въ руки Григорьеву.

* * *

Послѣдніе дни царствованія большевиковъ прошли подъ знаменемъ знаменитаго „краснаго террора".

То, что творилось въ городѣ, не поддается никакому описанію.

Жители ходили, какъ очумѣлые и разговаривали даже о незначительныхъ вещахъ шепотомъ, озираясь кругомъ и пугаясь всякаго встрѣчнаго, болѣе внимательно посмотрѣвшаго на нихъ.

Казалось надъ городомъ нависли грозныя черныя громовыя тучи, не расходившіяся цѣлую недѣлю.

Рядомъ съ радостными волнующими слухами о томъ, что казаки уже на ст. Илларіоново, что еще день-два и они будутъ въ городѣ,—ходили ужасные, уродливые, ядовитые какъ міазмы разговоры шепотомъ о разстрѣлахъ и арестахъ.

Въ особенности—арестахъ.

Схватятъ среди бѣлаго дня на глазахъ у всѣхъ человѣка и больше его уже никто никогда не видитъ. Люди безслѣдно таяли въ воздухѣ, точно тѣни.

Приказъ Троцкаго „произвести впечатлѣніе на населеніе и армію" исполнялся въ точности. „Впечатлѣніе",—нужно большевикамъ отдать справедливость,—производилось колоссальное.

Троцкій можетъ быть совершенно спокоенъ. „Впечатлѣніе" о пребываніи большевиковъ въ Екатеринославѣ никогда не изгладится изъ памяти современниковъ.

Изъ рода въ родъ пойдутъ преданія о томъ страшномъ времени, когда на Руси царствовала чрезвычайка, когда человѣческой жизни была грошъ цѣна, когда рѣки становились кровавыми отъ пролитой крови... Только въ этихъ преданіяхъ „товарищу Троцкому" придется играть далеко не ту роль, о которой онъ мечтаетъ...

Сергѣй Каринъ.

Іюль 1919 г.

НОВЫЙ ТЕАТРЪ
Ростовск. Отдѣл. Комит. скор. пом. Доб. арміи и др. в. вор. силъ Юга-Росс.

Среда 10 Іюля | Начало 1-го въ 8 ч. 2 го въ 10 ч. | Четвергъ 11 Іюля

Король! ФАРСОВЪ! Король!
ДАМА ИЗЪ 23-го НОМЕРА МАССА ЮМОРА! БЕЗПРЕРЫВН. СМѢХЪ!
Фарсъ въ 3 д. Сабурова. Участвуетъ вся труппа. Постановка Странскаго.
Послѣдніе 2 дня знамен. медіума АНДРЭ ИМАРЪ чтеніе чужихъ мыслей на безпредѣльн. далек. разстояніи путемъ подсознательнаго творчества интуиціи.
Главн. реж. М. К. ДРАГОШЪ.

ТЕАТРЪ И САДЪ быв. „БУФФЪ"
Рост. н-Д. Отд. Ком. ск. пом. Добр. арміи и др. воор. силъ Юга-Россіи.

Въ Среду 10-го и Четвергъ 11-го Іюля с. г.
Гастроли ЛИДІИ ДЖОНСОНЪ и КОНСТ. АЛЬЦЕРОВА, ДАНІИЛА ДОЛЬСКАГО.
Маленькая Клодина оперетта въ 1 д. Струйскаго. Весеннее комед. въ 1 д. Мировича.
Г-жа ЗИНЬКОВСКАЯ романсы.
Анонсъ: Въ непродолжительномъ времени гастроли П. Н. ПОЛЬ.
Режиссеръ В. Ѳ. КОВАРСКІЙ.

Первоклассный ЦИРКЪ УЛЬ
Ростовск. н-Д. отдѣл. ком. скор. пом. чин. Добр. Арм. и др. воор. силъ Юга-Россіи.
Сегодня Грандіозное Бомондъ представленіе
при участіи МІРОВЫХЪ АТРАКЦІОНОВЪ: Участвуетъ Японско-Корейская труппа САНЪ-ФАНЪ. Выходъ популярнаго артиста директора Московскаго цирка Н. А. НИКИТИЧА. Гастроли ИСПАНСКИХЪ ТОРЕАДОРОВЪ ВАЛЬДЕНСЪ. Г. ДОНСКОЙ съ говорящей собачкой. И массу другихъ номеровъ.
Ежедневно перемѣна программы.
АНОНСЪ: На дняхъ гастроли Міровыхъ Аттракціоновъ.
... В. СКОРОСПѢХОВ... С... ВИНЦ... А. ЗНОСКО.

Поддержите посылкою табака и папиросъ для фронта! Приношенія принимаются ... кон-...

Бессарабцевъ

ВСѢХЪ, равно интересующихся бессарабскимъ вопросомъ, просятъ сообщить всѣ о себѣ данныя не позже 15 с. іюля, къ каковому дню въ газетѣ „Великая Россія“ будетъ объявлено о днѣ и мѣстѣ Бессарабскаго Съѣзда для обсужденія проекта Бессарабской Организаціи.

891—2

Съ пути.

(Отъ нашего корреспондента).

Къ нашему бронепоѣзду „Грозный“ сейчасъ подвели 52 плѣнныхъ красноармейца, захваченныхъ при вчерашнемъ набѣгѣ доблестныхъ Корниловцевъ: среди этихъ плѣнныхъ два командира ротъ, нѣсколько латышей, а остальные мобилизованные крестьяне Курской губерніи, окрестныхъ селъ. Особое вниманіе на себя обращаетъ командиръ 1 роты 2 особ. бат. 12 Украинскаго Совѣтскаго полка, бывшій прапорщикъ 5 Кіевской школы, студентъ 3 курса Харьковскаго технологическаго института Иванъ Николаевичъ Парфеновъ: онъ бросается на колѣни, проситъ помиловать, что-то доказываетъ...

Видъ у всѣхъ красноармейцевъ—полуголодный, измученный, причины чему читатель увидитъ опредѣленно изъ слѣдующаго документа, который оказался среди бумагъ, захваченной Корниловцами совѣтской баталіонной канцеляріи.

„Начальнику обороны лѣвой группы Курской губ. т. Мазурову.

Ставлю васъ въ извѣстность, что довольствіе 2-го бат. 12 Укр. Совѣтскаго полка сомое ненормальное. Продукты завѣдывающимъ хозяйственной частью 380 полка отпускаются только на одинъ день и выдача ихъ задерживается. Кромѣ того выдача не полная. Часто мясо совсѣмъ не получается и по его заявленію, что прикомандированнымъ частямъ мы совсѣмъ мяса не даемъ.

Напримѣръ, сегодня у меня красноармейцы сидятъ на 1 ф. порціи хлѣба (Курскаго) и на ржавленной селедкѣ безъ горячей пищи, а людямъ приходится нести титаническую работу дни и ночи. Нужно же искать выходъ изъ этого положенія.

Командиръ 2 баталіона Баровскій“.

По словамъ плѣнныхъ, такое положеніе продовольствія наблюдается во всѣхъ частяхъ Курскаго фронта, а въ нѣкоторыхъ и значительно хуже, т. е. по нѣсколько дней не получаютъ ни „курскаго“ хлѣба, ни мяса, ни ржавленной селедки...

Настроеніе красноармейцевъ крайне подавленное—это видно изъ каждаго большевицкаго приказа. которые только и дышатъ тревогою, требованіями поднять настроеніе, многочисленными угрозами. Для примѣра я привожу дословно одинъ изъ послѣднихъ ихъ приказовъ.

„При неоднократныхъ столкновеніяхъ съ противникомъ было очевидно, что силы противника состоятъ изъ сборнаго элемента. Половина его состава стрѣляетъ вверхъ и готовые въ любое время перебѣжать на нашу сторону.

Вся суть успѣха противника заключается въ паническомъ бѣгствѣ нашихъ частей. Поэтому напоминаю еще разъ всѣмъ командирамъ частей подробно разъяснить людямъ ввѣренныхъ вамъ частей, что только мужество и стойкость будутъ одерживать побѣду надъ противникомъ и всякія попытки не на чемъ неосновванныя къ бѣгству, будутъ караться самыми суровыми мѣрами, какъ за дезертирство.

(Приказъ по лѣв. боевому участку курск. направл. 9 іюля 1919 г. 20 час. № 13, ст. Бѣлинихино.)

И эти приказы противникомъ издаются въ то время, когда наши части, въ количествѣ много меньше противника, тверды, стойки, какъ камень, безконечно бодрые духомъ, знаютъ только одно: „Впередъ за родину, за Великую, Недѣлимую Русь“!..

Я при каждомъ удобномъ случаѣ бесѣдую съ мѣстными жителями и прихожу къ твердому убѣжденію, что всѣ они, узнавъ истину лжи и обмана большевизма, испытавъ ихъ средства, относятся къ этому элементу крайне враждебно и, заканчивая свою бесѣду, курскій крестьянинъ, осѣняя себя крестнымъ знаменемъ, глубоко искренно твердитъ Добровольцу: „Помоги тебѣ Господь!“ и были случаи, когда старики, встрѣчая Добровольца, со слезами на глазахъ, молили: „Дай спаситель ты нашъ, хоть подержаться то за тебя, чтобы сердце повѣрило, что ты пришелъ, ты уже здѣсь“...

Итакъ вѣрьте, русскіе люди, что православный русскій народъ побѣждаетъ не оружіемъ и копьемъ, а силою могучаго непобѣдимаго духа своего, своею вѣрой, правдой и любовью къ своей Родинѣ!

Борисъ Смирновъ.

2 іюля 1919 г.
Ст. Сажное.

P. S. Плѣнный красноармеецъ стоитъ у вагона, захваченнаго у большевиковъ на которомъ красуется надпись: „Р. С. Ф. С. Р.“ и читаетъ:

— Разогнали Солдатъ Фронтовиковъ— Собрали Разбойниковъ.

Съ другой:

— Разная Сволочъ Функціонируетъ Среди Рабочихъ.

Жизнь говоритъ, что это есть дѣйствительная и вѣрная расшифровка.

Б. С.

Заявленіе генерала Май-Маевскаго.

Въ бесѣдѣ съ военнымъ корреспондентомъ „Руссагента“ командующій Добровольческой Арміей, генералъ-лейтенантъ Май-Маевскій заявилъ:

— Общее положеніе на фронтѣ вполнѣ твердое. Никакихъ тревожныхъ симптомовъ я не замѣчаю. Армія сейчасъ набирается новыхъ силъ.

Послѣ такого гигантскаго прыжка, который сдѣлала армія, нужна была нѣкоторая остановка.

Этотъ періодъ мы используемъ для организаціи тыла и пополненія рядовъ арміи новыми бойцами.

Съ каждымъ днемъ наше положеніе улучшается.

Широкія массы населенія намъ всецѣло сочувствуютъ. Объявленная мобилизація проходитъ прекрасно.

Касаясь въ концѣ бесѣды вопроса о положеніи Екатеринослава, командующій Добровольческой Арміей заявилъ:

— Главныя силы крымской арміи противника, сдѣлавшей попытку овладѣть Екатеринославомъ, нами разбиты.

Вообще говоря, рѣшеніе вопроса о Екатеринославѣ всецѣло зависитъ отъ насъ.

Вынудить насъ къ чему-нибудь въ этомъ отношеніи противникъ безусловно не въ состояніи.

Бесѣда съ генераломъ Врангелемъ.

ЦАРИЦЫНЪ.—Чѣмъ вы объясните продолжающійся отходъ арміи Колчака?— съ этимъ вопросомъ представитель „Руссагента“ обратился къ ген. Врангелю.

— „Мнѣ совершенно незнакома обстановка на фронтѣ войскъ адмирала,—отвѣтилъ командующій Кавказской арміей,— и сказать что либо вполнѣ опредѣленное о положеніи восточнаго фронта я не могу. Во всякомъ случаѣ, мѣста тревогѣ быть не должно. Вспомните, какъ неблагопріятно, казалось, слагалась обстановка для насъ въ апрѣлѣ и какъ все коренным образомъ измѣнилось теперь“.

— Придаете ли вы значеніе Астрахани, продолжающей оставаться въ рукахъ большевиковъ?

— Я считаю,—сказалъ ген. Врангель,— что взятіе Астрахани крайне важно, такъ какъ только съ ея паденіемъ будетъ обезпечено владѣніе нижней Волгой и осуществится продвиженіе нашей флотиліи изъ Каспійскаго моря къ Царицыну.

Въ настоящей обстановкѣ для насъ необходимо имѣть флотъ для борьбы съ флотиліей красныхъ и обезпеченія праваго фланга арміи.

Учитывая значеніе Астрахани, часть силъ Кавказской арміи направлена правымъ берегомъ Волги на Черный Яръ.

Движеніе это замѣчено противникомъ и имъ оцѣнено по достоинству: противъ частей Кавказской арміи, двигающихся на Черный Яръ, красные перебросили части изъ группы войскъ, еще недавно дѣйствовавшихъ противъ отряда Драценки въ устьяхъ Волги.

Харьковъ.

Полк. Рябцевъ.

ХАРЬКОВЪ. 10—7. По приходѣ Добровольческихъ частей въ Харьковъ, комендатурой былъ арестованъ по подозрѣнію въ причастности къ большевизму бывшій командующій войсками Московскаго военнаго округа во времена Керенскаго, полковникъ генеральнаго штаба К. И. Рябцевъ.

На-дняхъ, при слѣдованіи подъ конвоемъ въ каторжную тюрьму, онъ пытался бѣжать и былъ разстрѣлянъ конвоемъ.

Даръ арміи.

ХАРЬКОВЪ. 10—7. Совѣтомъ съѣзда горнопромышленниковъ рѣшено передать въ даръ Добровольческой Арміи новый бронепоѣздъ „Единая Россія“.

— —

У Петрограда.

Пораженіе подъ Ямбургомъ

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. 10—7. Большевики рѣшили защищать городъ во что-бы то ни стало. Весь большевицкій флотъ стоитъ близъ устья Невы для преграждения доступа судовъ противника.

На митингѣ въ Петроградѣ Зиновьевъ заявилъ, что въ бою подъ Ямбургомъ, несмотря на численное превосходство, большевики потерпѣли жестокое пораженіе.

Она сдавались въ плѣнъ цѣлыми партіями и полками. Панически бѣжали, бросая оружіе и оставили противнаку очень большое количество артиллеріи.

* * *

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. 10—7. Газета „Правда“ на вопросъ „нужно или не нужно защищать Петроградъ“? приходитъ къ выводу, что защита города необходима во что бы то ни стало, считая лучшимъ пожертвовать южнымъ и волжскимъ фронтами, но защищать Петроградъ во имя интернаціональныхъ задачъ.

Въ виду возможности долгой осады Кронштадта большевики свезли туда большіе запасы провизіи и военнаго снаряженія.

Троцкій издалъ приказъ о необходимости взорвать всѣ кронштадскіе маяки, мосты и дворцы въ Петроградѣ въ случаѣ сдачи города. Петроградъ раздѣленъ на нѣсколько секторовъ, съ пунктами обороны, чтобы можно было продолжать борьбу на улицахъ. Адмиралтейство и Петропавловская крѣпость сильно укрѣплены.

Ген. Врангель—главноначальствующій Саратовской губерніи

ЦАРИЦЫНЪ. 10—7. Опубликованъ приказъ Главнокомандующаго вооруженными силами юга Россіи о назначеніи ген.-лейт. барона Врангеля главноначальствующимъ Саратовской губерніи съ оставленіемъ на посту Командующаго Кавказской Арміей.

Къ фронту.

— —

Мелькнула празднично разодѣтая толпа на перронѣ ростовскаго вокзала, бѣлыя, неживыя при мертвенномъ, слѣпящемъ свѣтѣ электричества, лица съ широко открытыми глазами отъ тѣней подъ ними. Безчисленными ломанными бликами, протянувшимися по водѣ отъ прибрежныхъ фонарей, глянула темная пучина Дона и поѣздъ врѣзался въ черную пустоту беззвѣздной ночи.

Мы, небольшая группа офицеровъ, устроились на открытой площадкѣ сзади классного состава—не душно и свободно. Разослали шинели, улеглись свободно, какъ кому хочется. Хорошо лежать такъ, подперевъ голову руками, неподвижно, разстегнувъ воротъ рубахи, забывъ о всѣхъ условностяхъ города. Не хочется говорить, ни о чемъ не думается и только всѣмъ существомъ всасываешь, впитываешь въ себя живую, беззвучно-говорящую тишину, бархатистую влажность южной ночи.

Впереди и сбоку яркій, бьющій ромбъ освѣщеннаго окна вагона передъ нами вырываетъ изъ тьмы то кусочекъ степи съ травою высокой, пахучей, то рядъ соломенныхъ крышъ съ широкими, книзу осѣвшими, трубами, то маленькую, простенькую и наивную церковку, то, наконецъ, нарядную бѣлую хатку, простую и изящную, испуганно и кокетливо по-провинціальному прищурившуюся зелеными ставнями оконъ. Все это въ строгой, жизненной послѣдовательности проходитъ передъ глазами ровной, яркой лентой, какъ на экранѣ кино.

Вверху блѣднымъ фосфорическимъ свѣтомъ вырисовываются ровныя гряды и рваныя клочья облаковъ. По бокамъ—темныя купы ивъ тополей, дубовъ, какъ пятна туши на синей сахарной бумагѣ. Внизу — безчисленный рядъ переливающихся свѣтлячковъ—искръ трубы паровоза.

Хорошо!

Поѣздъ мчится все быстрѣе и быстрѣе. Отъ быстрой ѣзды холодно дѣлается все больше и больше. Плотно прижавшись другъ къ другу, укутываемся въ шинели и подъ монотонный стукъ колесъ и плавное, мѣрное покачиваніе, засыпаемъ.

Просыпаемся отъ рѣзкаго, знобящаго холода.

Нѣжными, блѣдно-алыми красками розовѣетъ востокъ. Въ воздухѣ—сильный, раздражающій обоняніе запахъ свѣже-скошенной травы. По дорогѣ, густыми облаками подымая прибившуюся за ночь пыль, мелодично позванивая бубенчиками, идетъ стадо. Сзади маленькій, словно игрушечный, пастушокъ въ затѣйливой шляпѣ съ причудливо изогнутыми полями и длиннымъ рожкомъ. Пастораль. Какъ пахнетъ это наивной прадѣдовской стариной, какъ дисгармонируетъ съ тяжелыми англійскими гаубицами, танками, всего нѣсколько времени медленно ползшими по этой дорогѣ, съ опускавшимися здѣсь, на этомъ лугу, плавнымъ, планирующимъ спускомъ аэропланомъ—бомбовозомъ.

Медленно, расплавленнымъ дискомъ подымается солнце и красноватымъ, ровнымъ свѣтомъ заливаетъ поле, маленькую деревушку, виднѣющуюся впереди станцію.

Наполнивъ лязгомъ и грохотомъ узенькую улечку, легшую между маленькими, покосившимися, еще непроснувшимися для суетливой дневной жизни домиками станціоннаго поселка, поѣздъ останавливается у самой станціи.

На платформѣ нѣсколько фигуръ. Положивъ мѣшки подъ головы, укутавшись ветхими зипунами, они крѣпко спятъ. То—крестьяне и рабочіе мѣшочники. Неожиданный и громкій приходъ поѣзда разбудилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и они, высунувъ изъ-подъ зипуновъ головы, выжидательно и съ любопытствомъ разглядываютъ насъ, ставшихъ во весь ростъ на площадкѣ.

Со мной немного агитаціонной литературы. Проходящаго мимо стрѣлочника прошу послать ко мнѣ кого нибудь изъ проснувшихся. Черезъ нѣсколько минутъ творится невообразимое. Площадка буквально осаждена толпой, разомъ хлынувшей изъ всѣхъ угловъ и закоулковъ маленькой станціи, разомъ обезлюдѣвшей.

Раздаю то, что нахожу нужнымъ примѣнительно къ моменту, обстановкѣ. Стараюсь по возможности придерживаться нѣкоторой системы, но потомъ, растерявшійся, сую въ протянутыя, нетерпѣливо мапущія, старающіяся привлечь вниманіе, руки все, что попало. Все расхватывается съ жадностью непомѣрной.

Вглядываюсь въ лица. Сухія землистыя, изможденныя. И на всѣхъ одинъ старый, извѣчный вопль: „Насчетъ землицы-бы“...

Надолго, если не навсегда врѣзалась въ память мнѣ фигура одной старухи.

Съ остервенѣніемъ, хищно расталкивая толпу руками, она пробиралась, несмотря на протесты, къ самой платформѣ.

Какъ я ни бился, долго не удавалось узнать мнѣ, что ей, собственно, нужно. Наконецъ, послѣ многихъ усилій, изъ долгой, нелѣпо разбросанной рѣчи понялъ я, что ей нужна „книжица“.

И долго еще въ глазахъ моихъ стояло ея, похожее на печеное яблоко, лицо, покрытое сморщенной коричнево-пергаментной кожей, излученной глубокими морщинами, и глаза, съ застывшими въ нихъ мутными старческими слезами. А въ ушахъ еще долго раздавалась рѣчь безсвязная, полубезумная, однотонная, словно про-себя:

„Закружили, закружили голову, окаянные, а потомъ живыхъ людей рѣзать начали... Я говорила—по писанію... Антихристы, антихристы...

— Дай, касатикъ, книжицу, дай, дай... У-у-у, окаянные... А эти крестятся, крестятся, молодые... Дай, касатикъ, книжицу, дай...

Послѣ я узналъ, что у старухи два сына, пытавшихся протестовать противъ введенія общаго земельнаго надѣла въ шесть квад. саженъ, умерли подъ пытками латышей на ея глазахъ. Потомъ, въ ея же присутствіи, были изнасилованы цѣлой ротой красноармейцевъ ея дочь и девятилѣтняя внучка. Палачи долго еще потомъ издѣвались надъ трупами. Старуха сошла съума.

* * *

Паровозъ легко беретъ составъ съ мѣста, толпа волной откатывается назадъ, и мы трогаемся дальше. Вслѣдъ несется: „Спасибо, родимый“, растроганныхъ крестьянъ, давно не встрѣчавшихъ слова сочувствія и человѣческой откровенности.

Харьковъ. На перронѣ толпа. Нарядная на радостно по праздничному сіяющемъ солнцѣ. Возбужденная послѣ долгой напряженно нервной невольной спячки.

Вокзалъ „освобожденнаго города“ разукрашенъ гирляндами молодой сочной зелени и цвѣтовъ, причудливо переплетающимися съ гирляндами маленькихъ трехцвѣтныхъ флажковъ, протянувшихся отъ карнизовъ черезъ стѣны къ столбамъ перрона.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣдемъ дальше —къ фронту. Между Харьковомъ и Бѣлгородомъ курсируетъ небольшой составъ товарныхъ вагоновъ.

Медленно, мѣрно покачиваясь и поскрипывая съ скрежещущимъ лязгомъ ползетъ поѣздъ.

Драгоцѣннымъ зеленоватымъ золотомъ волнуется рожь. Бархатнымъ, зовущамъ

Замѣститель Верховнаго Правителя Россіи.

Сегодня въ газетѣ „Жизнь" напечатано:

Изъ авторитетнаго источника намъ сообщаютъ, что Верховный Правитель Россіи адмиралъ А. В. Колчакъ и Всероссійское правительство, во главѣ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ г. Вологодскимъ подписали приказъ о назначеніи Главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи генералъ-лейтенанта А. И. Деникина замѣстителемъ Верховнаго Правителя Россіи и Верховнаго Главнокомандующаго на югѣ Россіи.

Оперативная сводка Штаба Донской Арміи.

По свѣдѣніямъ къ 12 час. 11 іюля 1919 г.

На Краснoярскомъ направленіи въ районѣ ст. Островской, х.х. Тарасова и Логуховскій красные съ утра 9 іюля повели усиленную развѣдку въ западномъ направленіи, поддерживая ее ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Въ районѣ Елани 8 іюля наши части послѣ боя оставили с. Зерновое.

На Балашовскомъ направленіи красные 8 іюля перешли въ наступленіе отъ Балашова вдоль желѣзной дороги къ западу, но были отбиты нашими частями занимающими ст Родничекъ.

Одновременно, нашими частями, вытѣсненъ противникъ изъ Наколаевки и отброшенъ къ Ковалевкѣ, въ 20-ти верстахъ къ югу отъ Балашова

На Тамбовскомъ направленіи 9 іюля наши части съ боемъ заняли с. Свинуху, и Махровку, въ 35 ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Борисоглѣбска.

Наступленіе нашихъ полковъ въ сѣверо-западномъ направленіи продолжается.

Въ районѣ къ западу отъ Борисоглѣбска наши части 10 іюля, овладѣвъ с. Ульяновкой, переправились на сѣверный берегъ рѣки Хопра и къ вечеру того же дня вели бой съ красными на южной окраинѣ города Борисоглѣбска, перерѣзавъ желѣзную дорогу между городомъ и ст. Грибановка.

Въ районѣ Новохоперска вчера наши части наступали изъ района х. Богдановскаго на с. Алферовку. Объ исходѣ боя донесенія еще не поступило

На Талевскомъ направленіи безъ перемѣнъ.

На остальныхъ направленіяхъ фронта ничего существеннаго не произошло.

Подлинное подписали: Начальникъ штаба Донской Арміи, генеральнаго штаба, ген-лейт. **Кельчевскій**

Начальникъ оперативн. отдѣленія
Полковникъ **Добрынинъ**.

Въ Царицынѣ.

Рабочіе у генерала Врангеля.

ЦАРИЦЫНЪ, 10—7. Командующій кавказской арміей ген. Врангель принялъ депутацію рабочихъ Царицынскаго Орудійнаго завода, обратившихся къ нему съ адресомъ отъ имени всѣхъ рабочихъ.

Выразивъ кавказской арміи глубокую признательность за освобожденіе рабочихъ отъ гнета и насилій совѣтской власти.

Представитель завода заявилъ, что рабочіе убѣдились въ томъ что генералъ Деникинъ провозглашаетъ широкія демократическія реформы въ интересахъ всего населенія и что, рабочимъ, онъ несетъ защиту ихъ интересовъ и обезпечиваетъ имъ спокойный и честный трудъ на благо возрождающейся Родины.

Рабочіе обѣщали всемѣрную поддержку Добровольческой арміи въ ея неустанныхъ трудахъ по освобожденію измученной Россіи отъ большевицкаго ига.

На фронтѣ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ, 10—7. Части генерала Улагая подошли къ ст. Владиміровкѣ, бывшей ранѣе базой всей 10 совѣтской арміи.

Ст. Владиміровкѣ красные придаютъ особое значеніе. Она сильно укрѣплена и въ ея районѣ сосредоточены большія силы непріятеля.

Части генерала Улагая встрѣтили со стороны красныхъ сильное сопротивленіе.

На Кубани.

Ген. Хольмъ—почетный казакъ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ, 10—VII. Генер. Хольмъ начальникъ англійской миссіи на югѣ принятъ Незамаевской станицей въ число почетныхъ Кубанскихъ казаковъ этой станицы.

Южно-русская власть.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ, 10—VII. Вчера весь день происходили частныя совѣщанія Кубанскаго атамана, членовъ рады съ кубанской делегаціей южно-русской конференціи по вопросу образованія южно-русской власти.

Засѣданія конференція не было.

Засѣданіе откроется по прибытіи терской делегаціи.

Среди Кубанцевъ царитъ увѣренность, что Терцы не согласятся на предложенную Донцами схему образованія власти.

Въ Крыму.

Прибытіе заграничныхъ товаровъ.

СИМФЕРОПОЛЬ 10—7. Въ связи съ прибытіемъ въ Крымъ заграничныхъ товаровъ, въ Ялту выѣхали представители Крымскаго союза потребительскихъ обществъ.

Въ Германіи.

Вильгельмъ и мирный договоръ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. 10—7. Газета „Дэйли Мейль" сообщаетъ, что отреченіе Вильгельма было вызвано желаніемъ избавиться отъ подписанія мирнаго договора.

По словамъ газеты, Вильгельмъ полагалъ, что народъ обвинитъ республиканское правительство въ позорномъ македуніи.

Взрывъ оскорбленной національной гордости, по мысли Вильгельма, долженъ былъ привести къ монархической реставраціи.

На заводахъ Круппа американцы.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. 10—7. Сюда передаютъ, что крупный американскій трестъ пріобрѣлъ въ собственность заводы Круппа въ Мюнхенѣ.

Германія противъ большевиковъ.

ДВИНСКЪ. 10—7. (Совѣтское радіо). Условія перемирія бѣлогвардейцевъ съ германцами обязываютъ послѣднихъ сражаться противъ большевиковъ.

У союзниковъ.

Борьба съ большевиками.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. 10—7. По свѣдѣніямъ изъ Ліона французы и англичане стоятъ за продленіе военныхъ дѣйствій противъ совѣтской Россіи.

Въ то же время Америка протестуетъ противъ военнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, если только большевики не будутъ вторгаться на территоріи странъ, дружественныхъ державамъ согласія. Она согласна на матеріальную помощь противникамъ совѣтской власти.

Въ Совдепіи.

„Выгоняютъ".

МОСКВА. 10—7. (Сов. радіо). Чичеринъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія: „Революціонный военный совѣтъ издалъ приказъ: выгнать финляндскія и эстляндскія бѣлогвардейскія банды съ совѣтскихъ территорій.

Командный составъ приказалъ принять мѣры, чтобы красныя части не переступали границы Финляндіи и Эстляндіи".

Въ Малороссіи.

Новое возстаніе Махно.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ 10—7. Дыбенко пишетъ въ совѣтскихъ „Извѣстіяхъ", что батько Махно совершаетъ одну за другой измѣны противъ совѣтской власти.

Сейчасъ Махно поднялъ новое возстаніе въ тылу красной арміи и продвигается на западъ для соединенія съ Григорьевымъ.

Оффиціальное сообщеніе Главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи до окончаніи номера не было получено.

Въ Балтійскомъ морѣ.

Большевицкая литература.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. 10—7. Англичане захватили въ Балтійскомъ морѣ пароходъ съ грузами большевицкой литературы на разныхъ языкахъ.

Литература была адресована американской миссіи въ Стокгольмѣ.

Въ Кіевѣ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ, 10—VII. Бѣженецъ изъ Кіева передаетъ, что на митингѣ въ арсеналѣ освистанный рабочими Троцкій сказалъ Раковскому.

— Вашъ городъ очень буржуазный, надо заставить поголодать. Примите экстренныя мѣры.

Ночью по приказу Раковскаго были запечатаны всѣ магазины первой необходимости.

НОВОЧЕРКАССКЪ.

Въ зимнемъ помѣщеніи военнаго собранія сегодня въ 6 час. вечера состоится торжественное открытіе Корниловской выставки.

На выставкѣ будутъ присутствовать: Донской Атаманъ съ супругой, члены правительства Войскового Круга и много приглашенной публики.

ХРОНИКА.

Безплатная амбулаторія.

Въ д. № 63 по Б.-Садовой улицѣ открыты безплатная зубная амбулаторія и протезная мастерская для воинскихъ чиновъ Донской Арміи.

* * *

На основаніи распоряженія управляющаго отдѣломъ народн. просвѣщ. отъ 1-го іюля с. г., женская гимназія Тертерьянъ (Тургеневская д. № 62) передана учредителямъ Славянской гимназіи С-ку Б. Софреніеву и Г. М. Гатинскому.

* * *

Прошу знающихъ что либо о поручикѣ Николаѣ Космачевѣ сообщить: Вокзалъ, дамская Космачевей.

Требуется квартира

4—5 комнатъ, въ центрѣ. меблированная, всѣ удобства. Обращаться: Садовая 100, въ конторѣ „Вечерняго Времени".

ковромъ вдаль до самаго горизонта протянулся лугъ.

Сильный смолистый запахъ—въѣзжаемъ въ небольшую сосновую рощицу. А вотъ и она, такъ милая „иногороднему" сердцу, красавица-береза.

Въ вагонѣ насъ всего пятеро—офицеры. Пытаемся изъ вѣжливости завязать разговоръ—не выходитъ. Вяло, скучно, натянуто. Слишкомъ сильно дѣйствуетъ на каждаго обстановка. Да и самая мѣстность такъ близко напоминаетъ хоть и далекое, заплеванное, загаженное, залузганное и въ концѣ концовъ окровавленное, но все-же родное.

Отъ нечего дѣлать набираю по одному комплекту агитаціонныхъ листовокъ и брошюръ и бросаю убирающимъ сѣно крестьянамъ, ребятишкамъ, приведшимъ лошадей къ водопою, пастуху, мирно дремлющему вдали отъ стада, въ тѣни придорожнаго можжевельника.

А на ближайшей остановкѣ выхожу изъ вагона и забираюсь въ сосѣдній, биткомъ-набитый простымъ людомъ. Даютъ дорогу. Пробираюсь въ уголокъ и сажусь.

— „Раненый, что съ палкой то?".

— „Да, давно ужъ".

Нѣсколько летучихъ фразъ, но за всѣмъ этимъ чувствуется скрытое недовѣріе. Однако, разговоръ по-немногу завязывается. Обращаюсь къ сосѣдней группѣ съ предложеніемъ почитать о землѣ, арміи, большевикахъ и прочемъ.

Изъ противоположнаго угла доносится голосъ,—сухой, желчный, озлобленный:

— „Не надо баринъ,—вѣрно дьяконъ говорилъ,—словоблудство одно это. Вотъ ужъ два года говоримъ, а черезъ мѣсяцъ самихъ себя жрать будемъ. Намъ теперь все равно,—хочь рѣжь, хочь бей, все едино"...

Столько въ этой послѣдней фразѣ безразличнаго, тупого отчаянія было, столько черной, пропастной жути, что я осѣкся на полусловѣ.

Наступило молчаніе, долгое и тяжелое. Немного оправившись, начинаю говорить, что теперь все идетъ къ тому, чтобы дать возможность каждому, нуждающемуся въ кускѣ хлѣба—добыть его, этотъ кусокъ хлѣба безъ опасенія за завтрашній день. И, что это „говореніе"—послѣднее. За нимъ—дѣло.

Не знаю, искренность-ли тона подкупаетъ, или общее инстинктивное стремленіе выйти изъ натянутаго положенія, только черезъ нѣсколько минутъ около меня сгруппировываются чуть-ли не всѣ, находящіеся въ вагонѣ. Ледъ сломанъ окончательно, и мы долго говоримъ „по-душамъ".

Во всемъ, въ каждомъ словѣ, движеніи чувствуется одно: „хлѣба, хлѣба, хлѣба"...

Немножко горько и обидно отъ сознанія того, что народъ первенство свое и честь готовъ продать за чечевичную похлебку, а съ другой стороны назрѣвала не вполнѣ осознанная еще радость за то, что народъ цѣлымъ вышелъ изъ кошмара удушающаго, зловѣще краснаго, и за опытъ кровавый, но очень богатый по содержанію показательный опытъ.

— „Вотъ, посудите сами, господинъ. Получаемъ тридцать рублей въ сутки. Сейчасъ втроемъ купили три фунта хлѣба по восемнадцать рублей, да фунтъ колбасы—пятьдесятъ рублей. И заработокъ весь отдали, и четырнадцать рублей еще задолжали. А, чѣмъ платить будешь? Завтра, вѣдь, тоже самое"...

Словно плотина прорвалась. Говорятъ всѣ, перебивая, захлебываясь, не выслушивая отвѣта, словно боясь, что ихъ не дослушаютъ, стремясь съ жадностью вылить поскорѣе до конца свое острое, наболѣвшее.

Спрашиваю и не получаю отвѣта. Вѣрнѣе, отвѣтовъ такъ много, что трудно разобраться въ нихъ.

Обращаюсь къ своему сосѣду, степенному бородачу, менѣе всѣхъ принимавшему участіе въ разговорѣ и спорахъ. Спрашиваю о большевикахъ, о ихъ хозяйничаньи въ деревнѣ.

— „Да что жъ, я, слава Богу, уцѣлѣлъ, а вотъ брата убили, проклятые".

— „Почему, за что?"

— „Да ни за что. Пріѣхалъ изъ Москвы комиссаръ насчетъ общей ссыпки зерна по осени говоритъ. На сходѣ дѣло было. Ну братъ не выдержалъ, поднялся.— „Такъ и такъ"—говоритъ—„Какъ же мы вмѣстѣ хлѣбъ ссыпать будемъ коли у меня, къ примѣру, три коня, а у сосѣда одинъ. У меня въ домѣ четыре работника, а сосѣдъ самъ—одинъ?" Ну, тутъ комиссаръ какъ заоретъ на него—„нѣтъ теперь"—кричитъ—„твоего и моего. Все"—кричитъ „общее"...

— Замолчалъ братъ, а какъ кончился сходъ, подходитъ къ комиссару. А тотъ одѣтъ во о о, куды тебѣ. Сапоги лакированные, такъ и блестятъ.

„А что"—говоритъ братъ—„сапоги то у васъ, товарищъ комиссаръ, свои?"

Покраснѣлъ тотъ—„свои"-говоритъ.

„А можетъ, вы ихъ снимите, потому теперь своего-то ничего нѣтъ?"

Только и сказалъ. Вечеромъ пришли, забрали. А черезъ три дня въ Бѣлгородѣ разстрѣляли, говорятъ. До сихъ поръ ничего не знаю о немъ...

Грустно задумались, собесѣдникъ мой умолкаетъ. И кругомъ тихо. Вечерѣетъ. Въ открытыя двери свѣжій вѣтерокъ приноситъ густой запахъ свѣже скошенной травы и вечерней рѣчной сырости.

Подхожу къ двери. Свѣсивъ ноги, сидятъ четверо рабочихъ въ грязныхъ промасленныхъ рубахахъ. Двое босикомъ. Повидимому желѣзнодорожники. Бочкомъ подсаживаюсь и я. Просятъ „газетку". Даю, что есть. Говоримъ. Всѣ изъ Бѣлгорода, служащіе желѣзнодорожнаго депо.

Спрашиваю, какъ относились рабочіе къ арміи въ моментъ занятія города.

—„Да что-жъ, мы люди маленькіе. Работаемъ свою работу, да отъ начальства подальше норовимъ. А вотъ пятнадцать человѣкъ у насъ убѣжали, когда ваши подходить къ городу начали. Только-только передъ вашимъ приходомъ въ коммунисты записались—по десять аршинъ ситцу кто въ коммунисты запишется давали. Ну знамо—съ дуру, возьми да и запишись. А потомъ, конечно, уходить надо. Ну и ушли. А семьи тутъ, бѣдуютъ.

Хорошо стало, когда ваши пришли. Сначала-то боялись, а какъ хлѣбъ сразу подешевѣлъ—ничего, повыползли. А тутъ еще двухъ комиссаровъ ваши повѣсили,—Фукса да Саенку, того, харьковскаго Саенки брата. Фуксъ—то изъ благородныхъ, образованный, и чего въ это дѣло полѣзъ—Богъ его знаетъ, ну а Саенко знамо, каторжникъ. Тутъ какъ-то мобилизованныхъ рота потребовала обмундированіе—совсѣмъ голые были. Всѣхъ разстрѣлять приказалъ, семьдесятъ шесть человѣкъ. А донесъ, что только десять—зачинщиковъ"...

Спрашиваю, какъ относились большевики къ желѣзнодорожникамъ.

—„Да что-жъ, не щадили и нашихъ. Многихъ на тотъ свѣтъ ни за-что, ни про-что отправили. Да вонъ, спросите"...

Въ сторонѣ, въ какой-то странной неподвижности, обнявъ колѣни руками и устремивъ взглядъ въ одну точку, сидитъ такой же рабочій. Блѣдное, черной копотью покрытое лицо, свѣтлые, красивые, но странно отупѣвшіе глаза.

Подползаю ближе. Осторожно спрашиваю. Отвѣчаетъ неохотя и невпопадъ.

Рабочій желѣзнодорожнаго депо г. Бѣлгорода Михаилъ Ющенко. Разстрѣляли двухъ братьевъ, а старику-отцу вбили въ голову пять гвоздей за отказъ уплатить пятьдесятъ рублей какого-то налога.

Хочу спросить больше, подробнѣе—неудобно. Слишкомъ свѣжо еще, повидимому, впечатлѣніе владычества „друзей народа".

Стемнѣло. Поѣздъ замедляетъ ходъ. Мелькаютъ огоньки впереди. То—Бѣлгородъ. Старый старый маленькій городокъ, весь утонувшій въ зелени, городокъ съ безчисленными церковками съ звономъ монастырскимъ, торжественно-пѣвучимъ, и оградами легкими, рѣзными, рѣшетчатыми.

Еще одинъ верстовой столбъ на „широкой Московской дорогѣ"...

Н. Фѣдоровъ (Дорогобужцевъ).

Бѣлгородъ, іюнь 1919 г.

Большевики въ Крыму.

(Записки очевидца).

III.
На молу, у моря.

(Продолженіе).

Когда коменданту доложили, что арестованный доставленъ и сидитъ въ караульномъ помѣщеніи. Кайдетскій вызвалъ начальника баталіона Степанова, мальчишку съ кривыми ногами и хорьковыми злыми глазами, и долго съ нимъ перешептывался. Стемнѣло городъ обезлюдѣлъ, ударилъ часъ, когда запрещалось хожденіе по улицамъ. Кайдетскій приказалъ посадить арестованнаго въ автомобиль, а самъ отойдя со Степановымъ къ лѣстницѣ, глядѣлъ, какъ трое караульныхъ, неловко и точно стѣсняясь Караскевича, отвели его къ двери и скрылись за нею; крупная дрожь всколыхнула коменданта и кровь ударила ему въ голову. Онъ поглядѣлъ на Степанова, Степановъ поглядѣлъ на него и, оба улыбнулись.

Кайдетскій сѣлъ на мѣсто шоффера, а Степановъ рядомъ съ арестованнымъ; луна свѣтило ярко, насытивъ воздухъ голубымъ туманомъ; лаяли собаки, внизу ухало море, холоднымъ языкомъ облизывая приморскій гравій; Кайдетскій поймалъ знающіе и ненавидящіе взгляды караульныхъ, и ему стало весело черною, мрачною веселостью. Чадя бензиномъ, Бенцъ мягко снялся съ мѣста и покатился въ направленіи къ Горному клубу, минуя ночные патрули, подъѣздъ „Марьино“, глядѣвшій въ ночь чернымъ зѣвомъ, пустынныя русла сбѣгающихъ къ морю улицъ.

— Куда ты правишь, чортовъ сынъ?— Страннымъ голосомъ, какимъ говорятъ ярморочные чревовѣщатели, сердито нахохлившись, окликнулъ Караскевичъ. Въ лунномъ свѣтѣ его грачиное лицо глядѣло блѣдѣе савана, и глубоко во впадины ушли юркіе глаза.

— Поругайся,—зло сказалъ Степановъ.

— Отцы свободы! Черти жандармовы! Нѣ-е, прошло ваше время.

— Поругайся!

— Заткни ему глотку,—чуя въ сердцѣ широкую напряженную удаль, крикнулъ отъ колеса Кайдетскій, нагнулся и далъ большую скорость. Каждый нервъ въ немъ горѣлъ бушующимъ чернымъ пламенемъ, и вдругъ зачесались ступни ногъ, точно ворсинки носковъ шевельнулось и защекотали тѣло. Взвизгнувъ шинами, моторъ повернулъ у городской управы и, вытягивая безпокойную ношу, нырнулъ въ Бульварную, въ прохладу пьющихъ воздухъ каштановъ. За своей спиной комендантъ услышалъ глухой шумъ борьбы: Степановъ, навалясь грудью на Караскевича, вцѣпился въ кисти его рукъ, стараясь заложить ихъ за спину; тотъ, нагнувшись, ударилъ его теменемъ въ подбородокъ и вдругъ закричалъ, стуча зубами и захлебываясь:

— Товарищи, убивать везутъ! Заступитесь! Безвиннаго человѣка убивать везутъ! За что? Товарищи!

И смолкъ. Бенцъ бѣжалъ по молу, къ спящему маяку. Въ бухтѣ вода была рѣдкая и туманная перекидывающая гдѣ-то глубоко у дна яркіе мячики отраженныхъ ялтинскихъ огней, а за моломъ черная; гнѣвная и ворчливая. Только далеко къ горизонту зубчатымъ конусомъ стояла лунная дорога, будто политая масломъ, влажная отъ ночной свѣжести.

— Стопъ!—сказалъ Кайдетскій, далъ тормазъ и, щелкнувъ дверцей, выбросилъ изъ машины огромное свое плечистое тѣло. Скользнувъ рукой у пояса, онъ вытащилъ тяжелый кольтъ. Степановъ бросилъ плѣнника, вышелъ и сталъ съ Кайдетскимъ. Луна свѣтила имъ въ затылки, затемняя лица, а вѣтеръ, крѣпчающій съ каждой минутой, гонящій съ моря тяжелыя гряды волнъ, заглушалъ слова, которыми они перешептывались. Караскевичъ остался въ моторѣ; высоко, къ ушамъ, поднявъ шинель, дрожа и выдрабливая зубами, онъ плакалъ воющимъ бабьимъ плачемъ, не смѣя двинуться съ мѣста.

Комендантъ закричалъ:

— Выходи!

И ждалъ, играя кольтомъ. Степановъ возился съ кабурой. Караскевичъ плакалъ.

— Выходи, ты!

— Това—рищи,—плачущимъ голосомъ, прыгающимъ, какъ резиновый шаръ, вымолвилъ Караскевичъ, но съ мѣста не двинулся. Въ бѣшенствѣ Кайдетскій ударилъ ногой о камешекъ, далеко отлетѣвшій къ стѣнкѣ мола; верхняя губа его прыгала, а нижняя провисла внизъ, блестящая отъ слюны.

— Ты сойдешь у меня!

Онъ угрожающе двинулся къ мотору. Всхлипывая, Караскевичъ сошелъ на землю, и оба увидѣли его смертельно поблѣдѣвшее, скованное смертнымъ ужасомъ лицо, взмокшіе въ поту волосы, корявые, съ широкими суставами пальцы. шарящіе у ворота.

— Бѣги!

— Товарищи, нѣтъ вины за мной. Товарищъ Кайдетскій, слушайте, товарищъ, я-жъ ни словомъ... Богомъ клянусь, ни однимъ словомъ...

— Бѣги!—топая ногами, заревѣлъ комендантъ, приплясывая, хлопая себя ладонью по ляжкѣ; угрожливый кольтъ прыгалъ въ его рукѣ. Караскевичъ, дергаясь лицомъ, плечами, всѣмъ тѣломъ, медленно пятился отъ нихъ, не спуская глазъ съ прыгающаго кольта, вдругъ присѣлъ и побѣжалъ къ морю. Степановъ и Кайдетскій выстрѣлили почти одновременно. Тотъ присѣлъ, потомъ вытянулся во весь ростъ, подпрыгнулъ, перегнулся и неловкимъ мѣшкомъ, мызгая о камни ногами, свалился въ море. Осталось все, какъ было: море, матросъ и кривоногій мальчишка, играющій съ луною чистенькій Бенцъ, невѣрные огни прекрасной Ялты,—не стало только Караскевича.

— Я?—спросилъ Кайдетскій.

— Я!—задорно, наскакивая, какъ пѣтухъ, сказалъ Степановъ.

Комендантъ проговорилъ примирительно:

— Оба!

И оба сѣли въ моторъ. Уже дорогой, подъ крышей престарѣлыхъ каштановъ, сомкнувшихъ надъ ними переплетъ вѣтвей, Степановъ вспомнилъ и спросилъ Кайдетскаго, за что разстрѣлянъ щуплый грачиный сукинъ сынъ. Комендантъ помолчалъ, вбирая въ носъ сочный, душистый воздухъ, потомъ сказалъ лѣниво:

— За дѣло!

И оперся широкимъ, крѣпкимъ подбородкомъ о руки, лежащія на рулевомъ колесѣ. Онъ чувствовалъ полный упадокъ силъ. Его тянуло къ кокаину, къ чудеснымъ, отуманеннымъ, окрашеннымъ въ нездѣшніе цвѣта, узорчатымъ какъ изощренная вышивка видѣніямъ, пропитаннымъ зацахомъ сладострастія и угара, наполненнымъ звономъ отточенныхъ нервовъ; и еще его тянуло взять за шею несмышленыша-лягаша, положить на грудь и глядѣть, какъ вмѣстѣ съ грудной клѣткой поднимается и опускается его глупая сонная морда.

Александръ Дроздовъ.

Письмо въ редакцію.

Въ № 62 газеты „Жизнь“ напечатано:

Милостивый государь
г. редакторъ!

Въ № 238 газеты „Великая Россія“ появилась статья, направленная противъ меня и моей дѣятельности, а въ № 300 газеты „Вечернее Время“ появились выдержки изъ этой статьи съ соотвѣтственными коментаріями.

Основныхъ обвиненій противъ меня приведено три: 1) что въ качествѣ гетманскаго министра я занимался „насильственной украинизаціей суда“, 2) что я „боролся противъ признанія русскаго языка вторымъ государственнымъ языкомъ въ украинскомъ сенатѣ“ и 3) что въ Кіевѣ я писалъ въ газетахъ „статьи, полныя ненависти ко всему русскому“.

Находясь въ настоящее время въ Ессентукахъ, гдѣ я началъ серьезный курсъ леченія, и не имѣя подъ руками ни моихъ кіевскихъ статей, ни другихъ документовъ (напримѣръ, моего оффиціальнаго заключенія, даннаго кіевскому сенату, по вопросу о языкахъ), я не могу немедленно, съ неопровержимыми доказательствами въ рукахъ, опровергнуть выдвинутыя противъ меня обвиненія, но, какъ и. о. оберъ-прокурора правительствующаго сената, я счелъ долгомъ немедленно увѣдомить г.г. управляющихъ отдѣлами юстиціи при Главнокомандующемъ и Всев. Войска Донского, что немедленно, по моемъ возвращеніи, я потребую оффиціальнаго разбора всего этого дѣла, а пока при посредствѣ вашей газеты категорически заявляю, что я дѣлалъ на Украинѣ совершенно обратное тому, что мнѣ приписано, за что я подвергался систематическимъ нападкамъ нападкамъ украинскихъ газетъ, начиная съ „Відродження“ и кончая „Трибуной“, а при входѣ въ Кіевъ Петлюры былъ арестованъ и затѣмъ состоялъ подъ слѣдствіемъ вплоть до своего отъѣзда въ Одессу. Я никогда не дѣлалъ ни одного шага въ направленіи насильственной украинизаціи суда; я не только не боролся противъ признанія русскаго языка вторымъ государственнымъ языкомъ въ сенатѣ, а отстаивалъ какъ разъ противоположную точку зрѣнія и, наконецъ въ газ. „Миръ“ (ни въ одной другой кіевской газетѣ я не писалъ) я выступилъ противъ тѣхъ, которые съ ненавистью относятся ко всему русскому, и признавалъ это главнымъ грѣхомъ крайней украинской шовинистической партіи.

Примите и проч.

Проф. **М. Чубинскій.**

P. S. Обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой къ газетамъ, напечатавшимъ выдержки изъ вышеуказанныхъ статей „Великой Россіи“ и „Вечерняго Времени“, не отказать въ перепечатаніи этого письма.

М. Ч.

— —

Отъ редакціи. Наша газета основывала свои сужденія на замѣткѣ „Великой Россіи“. Мы готовы всякую минуту извиниться, если только проф. Чубинскій докажетъ свое alibi. Заранѣе сожалѣемъ, что могло произойти печальное недоразумѣніе.

Наше мнѣніе принципіально остается старымъ: русское крестьянство и рабочій классъ не виноваты въ постигшихъ Россію несчастіяхъ, такъ какъ по своей темнотѣ не могли понять сущности всего происходившаго. Средняя обывательская интеллигенція, принимавшая участіе въ революціи и служившая изъ за голода большевикамъ, заслуживаетъ снисхожденія и сожалѣнія. Но безпощаднаго осужденія и кары заслуживаютъ всѣ тѣ верхи русской интеллигенціи, которые углубляли революцію, дѣлали карьеру на несчастьяхъ Родины, перекрашивались въ разные цвѣта, дабы лучше устроиться, тѣмъ или другимъ способомъ вредило Добровольческой Арміи.

Вождями и руководителями новой Россіи должны быть люди, безупречные политически.

Проф. Чубинскому необходимо оправдать себя, ибо „Великая Россія“ въ своей замѣткѣ также сожалѣла, что не имѣетъ подъ руками документовъ, доказывающихъ его самостійныя тенденціи.

Повышеніе почтово-телеграфной таксы.

Съ 1 іюля повышена такса на всѣ виды почтовыхъ отправленій и на телеграммы:

За наиболѣе распространенные виды корр. плата установлена слѣдующая:

Простое открытое письмо мѣстное и иногороднее 35 коп.; съ оплаченнымъ отвѣтомъ 70 коп.; простое закрытое письмо мѣстное 50 коп.; иногороднее 70 к.

Заказныя письма: вѣсовая плата, какъ за простое письмо, плата за заказъ 70 к.

Заказныя письма: вѣсовая плата, какъ за простое письмо, плата за заказъ 70 к.:

За переводъ денегъ по почтѣ: за каждые 25 р. или часть ихъ 50 к.

За телеграммы обыкновенныя за слово мѣстныя 25 коп.; иногороднія 50 к.; подепешная плата 1 р. 50 к.

Кромѣ того установлены новые виды тарифовъ: за каждое письмо съ объявл. цѣнностью и цѣнную посылку, кромѣ вѣсового и страхового сбора, взыскивается еще попакетная или посылочная плата въ размѣрѣ 1 р; за доставку вторичной повѣстки на посылки 1 р.

Спортъ.

Бѣговыя и скаковыя испытанія лошадей на Ростовскомъ ипподромѣ пріобрѣтаютъ все большій и большій интересъ. На ряду съ приходомъ цѣлаго ряда лошадей изъ Харькова собираются и наѣздники. Пріѣхалъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ наѣздниковъ Павелъ Бѣляевъ 2-й, который будетъ ѣздить на лошадяхъ конюшни гр. А. В. Капниста.

Что касается скачекъ, то на скаковомъ кругу появилась цѣлая серія первокласныхъ жокеевъ. Сейчасъ скачутъ такіе жокеи какъ Фоменко, Чабанъ, Хатисовъ, Михальчикъ, Бартникъ и Кокошко. Такой подборъ жокеевъ, при наличіи классныхъ лошадей, дѣлаетъ скачки чрезвычайно интересными. Очень недурно скачетъ изъ ѣздоковъ Кредикъ и только что перешедшій изъ ѣздоковъ въ жокеи—Мамедовъ.

Розыгрышъ „Дерби“ и „Атаманскаго“ приза напомнили лучшіе дни Московскаго и Петербургскаго ипподромовъ.

Надо думать, что и остальные большіе призы розыграются столь же интересно

Забота о фронтѣ — ваша обязанность!

Жертвуйте на табакъ арміи.

За редактора Н. Н. Штиглицъ.
Издательство: Паевое Т-во.
Б. А. СУВОРИНЪ.

ЗУБО врачебный кабинетъ. техническая лабаратор. КРУБИЧА Дмитріевская 79 уголъ Соборн. пер. Удаленіе и пломбированіе безъ боли. ИСКУССТВЕНН. ЗУБЫ совершенно безъ пластинъ. Военнымъ и БѢДНЫМЪ—скидка Пріемъ отъ 10 до 6 ч. в. 545—2

Докторъ **Б. А. Миляевъ** Кожныя, венерическія и мочеполовыя болѣзни. Пріемъ отъ 12—2 и 5 8 вечера; женщины отъ 3—4 Малый пр. 35, уг. Мало Садовой. Тел. 17—73. 389—25

ДОКТОРЪ **А. П. Лавровъ.** Кожныя и венерическія болѣзни. Дмитріевская 78, уг. Соборн. пер. отъ 4 до 6 ч. вечера. 115-12

5-го іюля с. г., молодой человѣкъ, именуя себя Аркадіемъ Вишневскимъ, имѣя документъ комисара, душевно больной, проѣзжая отъ ст. Кисляковки до ст. Кучуевки, спрыгнулъ на 94 в. и неизвѣстно куда скрылся, прошу задержать и доставить въ стан. Уманскую, Куб. обл., Никитину. 886—1

Кіоскъ ФРУКТОВЫЙ ПРОДАЕТСЯ уг. Б. Садовой ул. и Крѣпостного пер., рядомъ съ лѣтнимъ помѣщеніемъ Коммерческаго Клуба. О цѣнѣ узнать тамъже. 782—2

Ростовская Контора Государственнаго Банка вслѣдствіе заявленія Полковника Барона Бориса Николаевича Майдельсимъ объявляетъ объ утратѣ сохранныхъ расписокъ, за №№ 30573, 31024, 34318, 3444, 34786, 36496, 35611, 37585, 36493, 31765, 32277, 28575, 25833, 26712, 35612, 25834, 33009, 30694, 34324, 26713, 37584 и 36492, выданныхъ Ростовской Конторой Государственнаго Банка въ пріемѣ на храненіе %% бумагъ на 17.600 р. Взамѣнъ утерянныхъ расписокъ будутъ выданы дубликаты, а подлинныя считаться недѣйствительными. ж. 211—3

Требуется приказчикъ понимающій по винно-гастрономическому дѣлу въ магазинъ Мурадьянъ. Б.-Садовая № 184. Рекомендація обязательны. 888-1

Утерянъ паспортъ на имя Сѣрикова Александра Діамидовича выдан. Ростовскимъ на Дону Милиціоннымъ Управленіемъ отъ 19 февраля 1918 г., за № 270. Считать недѣйствительн. 889—1

Похищенъ паспортъ, за № 782, выданный польск. консуломъ на имя И. К. Рыбакъ. Прошу считать недѣйствительн. 893—1

Зубоврачебный КАБИНЕТЪ БЕЗЗАБАВА. Леченіе и удаленіе зубовъ безъ боли. Искусственные зубы на золотѣ и каучукѣ. Служащимъ и бѣдн. скидка. Почтовая ул. № 58. Пріемъ отъ 9—8 в. 602—12

10-го іюля на старомъ базарѣ изъ кармана похищенъ кошелекъ, 670 р. денегъ и удостовѣреніе выданное Аксайскимъ Волостнымъ Правленіемъ, Черноморск. уѣзда, Астраханской губ., за № 293, отъ 3-го іюля с. г. на имя механика Георгія Яковлевича Гапонова 36 лѣтъ. Считать недѣйствительн. 894—1

Не молод. интел. дама ищетъ мѣсто къ дѣтямъ или по хозяйству. Знаю нѣм. и немного франц. Соборный пер. № 25, спр. Мангардтъ. 898—1

Похищены паспортъ выдан. Мѣщанской Управой г. Бѣлаго, Смоленск. губ. на имя Пузицкой Александры Васильевны и багажная квитанція № 809 о сдачѣ багажа на ст. Павлоградъ до Таганрога. Считать недѣйствительными. 892—1

Продается квартирная обстановка, рояль Бехштейна, фарфоровый сервизъ, коверъ, ноты и вѣсы. Перекупщиковъ просятъ не являться. Смотрѣть отъ 11 утра до 6 час. веч. Пушкинская 68, 2-ой эт., кв Дереведа. 883—1

ДАМА ищетъ мѣсто къ ребенку. Знаетъ языки и музыку. Нахичевань 15 лин., домъ № 12/13. Телеф. 21—78. 897—1

РОСТОВСКАЯ НА ДОНУ ГОРОДСКАЯ УПРАВА приглашаетъ г.г. врачей, желающихъ принять участіе въ вечныхъ дежурствахъ пожаловать для переговоровъ къ Завѣдывающему Врачебно-Санитарной частью, доктору А. В. Мельникову (Думскій залъ, отъ $12\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ дня, кромѣ праздниковъ). ж. 212—1

Утеряна безсрочная книжка, выданная на имя Маріи Григорьевны Алдохиной Великокамышеватскимъ волостн. Совѣтомъ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ. отъ 6-го Марта 1918 г. за № 63. Считать недѣйствительн. 887—1

Утеряно удостовѣреніе выданное 1-мъ Ростовскимъ Комитетомъ по представленію отсрочекъ военнообязаннымъ на имя слесаря Акціонернаго Общества Асмоловъ и Комп. Павла Степановича Коваленко. Прошу считать недѣйствительнымъ. 895—1

Похищены документы: удостовѣреніе объ освобожденіи отъ воинской повинности, выдан. Окружнымъ Атаманомъ, за № 380 и паспортъ, за № 136 на имя Кузнецова Ивана Александровича и метрическая выпись на имя дѣв. Маріи Ивановны Кулюкиной. Считать недѣйствительными. 896—1

Дозволено Военной Цензурой. Ростовъ на Дону Типографія А. И. Теръ-Абраміанъ